

Вырезка из газеты

12 ОКТ 1975

ЛЬВОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Львов

СОВСЕМ не просто писать об актере, чье имя вот уже двенадцать лет не сходит с афиш Львовского академического театра оперы и балета им. Ивана Франко, актере, искусству которого аплодировали зрители многих городов Советского Союза, жители Монголии и Польши, Чехословакии и Болгарии, чей творческий поиск продолжается и по сей день, несмотря на заслуженное мастерство, высокое звание народного артиста УССР.

О Германе Исупове написано так много и так объемно, что, готовясь к встрече с ним, я не надеялся открыть что-либо новое для читателей в многогранном, отточенном искусстве ведущего солиста балета.

Внимательные наблюдения за его работами, встречи с танцовщиком вне театра накаливали меня на мысль о доброте и человечности, их духовной связи с образами, созданными артистом на сцене. Эти два неотъемлемых качества Исупова — человека и Исупова — актера сливаются у него воедино.

Сейчас, находясь, что называется, в «идеальной» балетной форме, Исупов чуть соразмереннее лепит характер своих новых героев, чем в первые годы своей сценической жизни. Теперь пришло мастерство, пришла актерская мудрость, безупречная техника владения всем арсеналом мужского классического танца.

Раньше, в 1958 году, работая после окончания Пермского хореографического училища в гастрольно-концертном ансамбле «Классический балет» Новгорода, молодой, напористый, горячий Исупов рубил, вроде бы, всё с плеча. Ему повезло. Он попал в крепкие, опытные руки старшей нашей советского балета, неизменного художественного руководителя ансамбля Р. И. Гербека.

Именно тогда, в те трудные годы, когда коллектив большую часть работы проводил на колесах, складывался характер Исупова, работоспособность, самоконтроль, упорство. Уже в первых робких шагах его в партиях Пуря («Бахчи-

сарайский фонтан»), Альберта («Жизель»), Зигфрида («Лебединое озеро») угадывались черты будущего артиста. Его полетные прыжки по диагонали, бережные, бесшумные поддержки с партнершей, его большие могучие руки пробовавали, искали себя, чтобы потом выплеснуть всю гамму человеческих чувств в «Спартак», произведении этапном для артиста.

Пройдут годы упорного труда, прежде чем родится исуповский

Светлые слезы катятся по прекрасному лицу Квазимодо. Замер зрительный зал, взволнованный трагедией человека, так ярко рассказанной артистом.

После спектакля, идя домой, Герман в который уже раз будет анализировать сделанное им. А завтра поутру придет в балетный класс театра, и начнется все сначала... Народный артист превратится в ученика — трудолюбивого, настойчивого, неутомимого. И так он

И его Альберт из «Жизели», Принц из «Золушки» приносят в танце ту же сладкую мечту, ту же доброту и чуткость, ту же печать высокой культуры актера, ту же неисчерпаемую технику танца, подчиняя его «лексику» образу, развитию его, завершению. Потому и все исполняемые Исуповым партии — вполне самостоятельные работы.

«Антоний и Клеопатра» Лазарева, «Три мушкетера» Баснера, «Маскарад» Лапунина, «Эс-

Исупова достигает здесь своего апогея. Рыдает над поверженным любимым Фригия, а нам кажется, что тело Исупова рассказывает о трагической гибели героя. Судорожно сжат рот, растрепались слипшиеся от пота волосы, горят глаза. Последние всплески, последний вздох — и разбитое тело Спартака бездыханно пошло. Но еще долго будет стоять перед глазами мужественный вождь рабов, человек-легенда.

Потом были новые роли... И среди них — народный герой романа Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель».

Балетмейстер — постановщик М. Заславский, приступая к работе над спектаклем, задумал полотно, безусловно, масштабное, полифоническое, где среди стройных голосов героев романа призывно звучит труба Тиля — Исупова. Для себя Исупов в партии Тиля открыл новые краски актерского дарования, краски комедийности. До сих пор ему не приходилось встречаться со столь полярным решением образа. Комедийность отдельных сцен и эпизодов спектакля стоит наравне с высотой трагедии, с протестом против тирании и деспотизма.

Надо было очень сильно полюбить его, своего Тиля, чтобы на сцене чувствовать себя так раскованно, чтобы послушно тело свободно выполняло рисунок роли, а мысли работали на образ. Созданный Германом Исуповым портрет народного героя по праву стоит в ряду лучших работ актера.

Сейчас Герман Исупов находится в такой «спортивной» форме балетного танцовщика, когда ему под силу произведения больше, с хорошей музыкальной и драматургической основой. Возможно, на львовской балетной сцене скоро появится «Иван Грозный» или «Анна Каренина»... Может, это будут герои Шекспира. А может, — современный герой, живущий в наше время, встречи с которым очень ждет Герман Исупов.

В. ЗАК.

Балетмейстер Ульяновского областного драматического театра.

Творческие портреты

ДУШОЙ ИСПОЛНЕННЫЙ ПОЛЕТ

повский Квазимодо — явление в советском балетном театре уникальное, не знающее себе равных по средствам трактовки образа горбуна из «Собора Парижской богоматери». До Исупова актеры, готовившие партию Квазимодо, искали чисто внешний рисунок и весьма скудными хореографическими средствами пытались «сыграть» героя В. Гюго. Исупов пошел по другому пути. Человеческое, доброе в образе горбуна взяло верх над внешне уродливым. Мечту о прекрасном, упокоение и тишину — вот что излучает Исупов, танцуя Квазимодо. Теперь уже и внешний облик его становится не самоцелью, а только надежным помощником, советчиком, другом.

И каким страшным, нечеловечески жестоким предстает перед нами Квазимодо — Исупов в борьбе с Клодом! Удивительно точно пластически решен этот труднейший диалог в финальных сценах балета. Кажется, уже больше не в силах человеческое тело терпеть страшные муки, каждая жилочка, каждый мускул на лице героя оплакивал его трагедию. И отнюдь не безысходностью, жалостью веет от работы Г. Исупова.

делает всегда, предстоит ли ему танцевать только в четвертый раз партию Тиля в балете «Тиль Уленшпигель» или в 155-й раз партию Зигфрида в «Лебедином озере».

Герман очень любит своего Зигфрида, относится к нему чрезвычайно бережно. Начав танцевать эту партию чуть ли не со школьной скамьи, Исупов постепенно окрашивал рисунок роли в мудрые краски романтика, душой доброго, сердцем неподкупного. Его романтизм, как дуновение ветерка в знойные сумерки, врывается в картину первого акта. Добреют окружающие, добреет наставник Принца, добреет его друзья. Танец Исупова одухотворен, полон светлых грез.

Успокоение своей мятущейся душе Зигфрид — Исупов находит на озере лебедей. Вторая картина первого акта — «лебединая» сцена — одна из самых сильных не только по хореографии гениального Петипа, Иванова, Горского, но еще и по трактовке ее. Исупов сумел войти в партию бесшумно, словно искусный реставратор, и силой своего актерского мастерства создать образ необычайно впечатляющий.

меральда» Ц. Пуни, «Ромео и Джульетта» Прокофьева (Исупов танцует партию Тибальда), «Спартак» Хачатуряна, «Тиль Уленшпигель» Глебова... Такому репертуару позавидует любой актер. Исупову, действительно, повезло. Все лучшее из балетов последних лет станцовано им, и мы вправе сказать, что ни одна его последующая работа не похожа на предыдущую.

Рискованнее всего было браться за работу над партией Спартака. Спектакль Ю. Григоровича в Большом театре, получивший высокую оценку в отечественной и мировой прессе, удостоенный Ленинской премии, казалось, не имел себе равных. Балетмейстер А. Шикеро и исполнитель заглавной роли Г. Исупов искали у своего героя те качества человека, которые сделали его вождем, обессмертили, превратили в легенду.

Спартак — Исупов скульптурно возносится над планшетою сцены, рассекая ее головокругительными прыжками, вихревыми вращениями, то агитирует, то требует, то убеждает.

Боль пронизывает сердца зрителей в последних сценах балета. Актерское дарование